

ЗНАЧЕНИЕ СТАТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОВ РАССЛЕДОВАНИЯ И РОЗЫСКА

А. М. Хлус

Познание основных этапов становления зарубежной и отечественной криминалистики помогает глубже понять ее роль в противодействии преступности, а также проследить истоки и тенденции развития.

Появление криминалистических методов, средств и приемов неразрывно связано с отправлением правосудия, следственной, сыскной и экспертной деятельностью. Действия, которые сегодня называются допросами, обысками, опознаниями и другими тактическими средствами, уже упоминаются в таких богослужбных книгах, как Библия и Коран. Например, в Ветхом Завете описываются действия пророка Даниила, разоблачившего двух старцев, оклеветавших женщину в прелюбодеянии [8, с. 76]. Действия пророка имеют сходство с очной ставкой и проверкой показаний на месте.

О подобных приемах и действиях криминалистического характера говорится и в памятниках права Древнего Рима, Китая, Германии, Франции и других стран. Например, в Законе XII Таблиц (первый свод законов Древнего Рима, 451–450 гг. до н. э.) содержались строгие предписания по тактике обыска. В частности указывалось, чтобы «при производстве обыска обыскивающий не имел никакой одежды, кроме полотняной повязки, и держал в руках чашу» [1, с. 11]. В большинстве случаев эти действия, производимые в связи с совершением преступлений, были основаны на житейском опыте и реализовывались в пределах тогдашних процедур обычного права, возведенного в закон. Некоторые из подобных действий и приемов нашли отражение в отечественных правовых актах, например, в Статутах ВКЛ.

В момент становления система криминалистических знаний складывалась в рамках процессуального права. По мере накопления собственного эмпирического материала и его теоретических обобщений криминалистика выделилась из уголовного процесса в самостоятельную отрасль юридической науки.

До появления специальной науки многие знания, наставления, рекомендации криминалистического характера содержались не только в работах по уголовному процессу, но и в разрозненных научных трактатах по уголовному, гражданскому, наследственному праву. Так, в 1673 г. в Париже издана книга Ж. Равено «Трактат об исследовании письма», в 1838–1841 гг. в Германии было издано двухтомное «Руководство по судебному расследованию» Людвига фон Ягеманна [5, с. 108].

Этот период характеризуется постепенным количественным и качественным ростом преступности, появлением профессиональной, а затем организованной преступности, перед которой государственные органы многих стран того времени оказались бессильны. В связи с этим произошла консолидация криминалистических знаний как результат социального заказа на «систему, способную противостоять преступности нового качества» [7, с. 1].

Учитывая условия, в которых была сформирована наука криминалистика, следует признать, что она, с момента появления и до настоящего времени, призвана обеспечивать разработку эффективной научной системы противодействия преступности.

Для ВКЛ, равно как и для других государств, характерно появление и развитие криминалистических знаний в рамках процессуального права. Первым уголовно-процессуальным кодексом на территории ВКЛ был Судебник, изданный 29 февраля 1468 г., который содержал 25 статей [4, с. 11]. В основу Судебника было положено местное белорусское обычное право в сочетании с новыми нормами, явившимися результатом судебной и административной практики. Издание Судебника послужило началу нового этапа в развитии правовой культуры, который завершился изданием Статутов ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. [4, с. 11–12].

В Статуте 1529 г. были систематизированы и изложены в определенном порядке нормы различных отраслей права, в том числе уголовного и уголовно-процессуального права. В Статутах 1566 и 1588 гг. нормы указанных отраслей права получили дальнейшее развитие.

Анализ норм процессуального права, содержащихся в Статутах, позволяет выделить в них понятия и действия, имеющие криминалистическую составляющую. В положениях Статутов упоминаются такие понятия, как следы преступления, преследование по следам, задержание с поличным, допрос, обыск, узнавание (опознание), регистрация. Кроме того, в Статутах содержатся нормы, предусматривающие уголовную ответственность за действия, доказывание которых предполагает наличие специальных знаний у сведущих лиц. К таким преступным деяниям относятся, например, подделка документов (подписи, печати), фальшивомонетничество. Преступление является объектом изучения не только уголовного права, но и иных наук. Согласно меткому выражению Г. Гросса, криминалистика является наукой «о реальностях уголовного права» [5, с. 109]. В числе ее объектов также называется преступление, преступная деятельность [6, с. 16].

Преступление, являясь событием прошлого времени, вносит изменения в окружающую среду, адекватно отражающие процесс преступной деятельности [2, с. 53]. Результатом отражения являются следы человека (рук, ног, зубов и др.). По следам (изменениям) как результатам отражения можно судить о преступнике (преступлении).

Термин «след» занимает центральное место в понятийном аппарате науки криминалистики. Данное понятие упоминается и в Статутах ВКЛ. Согласно ст. 6 разд. XIV Статута 1566 г. потерпевшему, у которого совершено хищение домашнего скота («покрадены кони волы быдло») и других вещей, предоставляется право в случае обнаружения следов преступления («подняль бы слъдь тое шкоды своее») преследовать по следам («гоненъе слъдомъ»). Подозреваемые («село або дом») могли отвести от себя подозрение («мають тот слъдь... вывести ажъ до иншоє границы»). А если подозрение не отведено либо следы преступления уничтожены («быдломъ затоптали»), то потерпевший вправе присягнуть перед уполномоченным должностным лицом «возным» и требовать возмещения причиненного вреда.

Статуты ВКЛ предусматривают привлечение к ответственности за совершенные преступления на основе предусмотренных законом доказательств «за слушнымъ доводомъ» по судебным делам. Факты по уголовному делу устанавливались с помощью показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, письменных и вещественных доказательств. Наиболее убедительными считались показания свидетелей, признания обвиняемого и письменные доказательства. Среди письменных доказательств особое значение отводилось выпискам из судебных книг [4, с. 327]. Эти

выписки «реляции» производили «возны» и «виж». Они являлись должностными лицами, которым вменялось в обязанность осуществление следственной функции, а «виж», кроме того, обеспечивал надзор за деятельностью (судопроизводством) копного суда для простых людей. На уровне поветовых судов осуществлял свою деятельность «возны», являвшийся одновременно судебным следователем и исполнителем. На «возного» возлагались разнообразные обязанности: определение размера причиненного вреда («школа»), сохранение вещественных доказательств («лицо»), вручение судебных повесток («позвы»), задержание с поличным и доставление в суд, свидетельствование следов преступления и многое другое.

Деятельность «возного» в ВКЛ является прообразом современной следственной деятельности. Некоторые действия, производимые «возным» и другими должностными лицами ВКЛ, отдаленно напоминают осмотр, допрос, обыск и др. Содержательная часть этих действий имеет криминалистический характер. Так, частью многообразных действий «возного» являлось присутствие на месте происшествия (совершения преступления), где он непосредственно воспринимал фактические данные, указывающие на деяние (преступление) («а квалты розбои раны головщизны оглядывати») (Статут 1566. Разд. I, ст. 5). Затем увиденное «возны» отражал в соответствующих судебных книгах («книгъ врьдовыхъ»), выписки из которых передавались суду в качестве письменных доказательств, имевших существенное значение для разрешения дела («сознание ввозного въ книгахъ такъ будетъ мощно, яко бы самъ возный очевисто сталь»).

Согласно ст. 6 разд. XI Статута 1566 г. убивший преступника в своем доме должен был немедленно пригласить «изъ уряду взявшы» возного и других свидетелей «людей добрыхъ шляхту а иньшихъ сусьдовъ вьры годныхъ» и показать им преступника («квалтовника»), совершившего нападение («квалт»). После установления признаков преступления («слушнымъ знаковъ квалту»), совершенного нападавшим, защищавшийся (если имелась, то и его жена, и дети) приносит присягу, и тогда его действия признавались как необходимая оборона. В статье не указывается, на основе чего действия нападавшего признаются преступными. Можно предположить, что к такому выводу приходили в результате произведенного «возным» осмотра места происшествия в присутствии «людей добрыхъ шляхту...».

Описанные действия напоминают современный выезд следователя по заявлению на место происшествия и его осмотр в присутствии понятых. Современный осмотр места происшествия производится в целях обнаружения следов преступления, других вещественных доказательств и иных обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу [10, с. 220–221]. На заключительном этапе осмотра следователь составляет протокол, в котором отражаются ход и результаты следственного действия.

Протокол осмотра места происшествия прилагается к материалам уголовного дела и, согласно ст. 88 УПК Республики Беларусь, является источником доказательств.

Уголовные дела (в современном их понимании) в ВКЛ не велись, не составлялись и протоколы следственных (процессуальных) действий. Вместе с тем результаты всех своих служебных действий, в том числе и в связи с преступными деяниями, «возный» записывал в судебные книги, из которых затем делал выписки («реляции»), рассматриваемые в суде в качестве доказательства [4, с. 327].

В случае обнаружения трупа неизвестного «перехождача або безпленного» лица, в связи с убийством которого некому будет взыскать ущерб («головщины искати не будеть кому»), должностное лицо («врядник») созывает местное население и производит «разъ або два» допрос («опыт вчинити») (Статут 1566. Разд. XI, ст. 31). Результаты такого «опыта» имели значение в ситуации выявления свидетелей. В противном случае отсутствие вины должно было быть подтверждено присягою допрошенных лиц («повинни... присегнути на томъ, ижъ сами не суть причиною того забитья и о таковомъ мужобойцы не вѣдаютъ»).

Проведение допроса («опыт чинити») предполагалось и в случае доведения до смерти («замордованье») мужем жены либо женой мужа. В этой ситуации на должностных лиц государственного учреждения «вряд» возлагалась обязанность тщательно выяснить («пильностию... вывѣдати») произошедшее событие посредством допроса («околичныхъ сусьдовъ близкихъ») и установления семи свидетелей «шляхтичовъ», которые могли его подтвердить («подъ присегою справедливее мають того передь врьдомъ повѣдати») (Статут 1566. Разд. XI, ст. 10).

В Статуте 1566 г. имеются нормы, в которых содержится более подробное описание действий должностных лиц. Так, ст. 5 разд. XIV «якъ маеть въ дому чьемъ лицо (вещественное доказательство, следы преступления) зостати» предусматривает порядок производства обыска. Данный порядок, в случае проявления кем-либо желания найти свои ворованные вещи в чужом доме, предусматривает следующую последовательность действий. Во-первых, в государственном учреждении сообщается о том, что похищено («згинуло») у заинтересованного лица. Во-вторых, приглашается возный для участия в обыске и определяется предмет поиска («чого передь вознымъ въ дому его искати маеть»). В-третьих, поиск украденных вещей производит потерпевший в присутствии возного, вижа, а также («людей постороннихъ вьры годныхъ») (в современном представлении – понятые). В-четвертых, в случае обнаружения краденых вещей («речей краденыхъ»), хозяин («господар») дома доставлялся в государственное учреждение. В случае отсутствия хозяина обнаруженные в его доме чужие вещи также

подлежали доставке в государственное учреждение, и там принималось законное решение («далее поступовати ведле права»). В-пятых, кто препятствовал производству обыска («крадежу искати не допустиль, клетей и иныхъ домовъ и схованей отомкнути не хотъль»), признавался виновным и был обязан возместить потерпевшему ущерб («шкоду... платити»). В-шестых, в случае отсутствия хозяина дома при обыске должны присутствовать «врядник», «тивун» либо иной старший «въ томъ селе». При отсутствии всех указанных лиц местное население извещалось о предстоящем законном действии, чтобы никто не подумал о совершаемом преступлении («абы не розумъль кгвалтовного наъханья»). В-седьмых, если хозяин («пань») либо его слуги («врядникъ») не желают быть при «томъ обыску», то потерпевший в присутствии сопровождающих его лиц (возного, вижа и «людей въры годныхъ») производит обыск и вскрывает все помещения (тайники) («вси схованья трести»).

В Статуте 1566 г. предусмотрена возможность производства задержания преступника с поличным и доставление его в органы власти «таковый, кгды будеть пойманъ и приведенъ до вряду зъ лицомъ» (Статут 1566 г. Разд. XIV, ст. 26).

На территории ВКЛ большое значение имели письменные акты. Служебные действия уполномоченных должностных лиц отражались в различных документах (списках, описях, судебных книгах и др.). Умышленное внесение изменений в официальные документы ВКЛ признавалось тяжким государственным преступлением, о котором упоминается в ст. 16 разд. I «о персоне господарской» Статута 1588 г. Данная статья предусматривает ответственность за подделку и фальсификацию документов («коли бы хто листы або печати наши фальшовал, або... руки нашое также... писаров нашихъ дворныхъ... подписовал... печати наши и врьдов нашихъ себе рыл и у себя их ховал и их уживал») [3, с. 76–82]. Однако в статье ничего не говорится о том, кто и как устанавливал факт подделки документов, подписей и печатей должностных лиц. Можно предположить, что во времена ВКЛ были должностные лица (специалисты), которые имели навыки, позволяющие отличать подлинные документы (подписи, печати) от поддельных. Такой вывод основывается на знании истории криминалистики в зарубежных странах. Так, во Франции в 1570 г. была образована Корпорация присяжных мастеров-письмоведов, которые занимались исследованием подписей. Через четверть века данной Корпорации было предоставлено право производить экспертизы документов. В 1604 г. в Париже издана работа Ф. Демеля «Советы по распознаванию поддельных рукописей и сравнению почерков и подписей для того, чтобы уметь видеть и обнаруживать всякие подделки; с подробным и полным объяснением искусства письма; о том, как распознавать и расшифровывать скрытые и тайные письма» [5, с. 108].

Соответствующие знания криминалистического характера необходимы были и в случае выявления признаков фальшивомонетничества «тежь хтобы монету нашу фальшоваль и безъ воли наше перепправоваль и обръзоваль» (Статут 1566. Разд. I, ст. 13).

Самым распространенным и жестоко наказуемым преступлением, как свидетельствуют памятники права, являлась кража. В ВКЛ за кражу, в зависимости от стоимости похищенного «о важности лица» имущества, предусматривалась ответственность от денежной компенсации «навезки платити» до смертной казни «горломъ каранъ быти». В случае невозможности денежной компенсации (отсутствие денег) «не будетъ <...> мѣти навезки платити», вору отрезали ухо «ухо тому злодью <...> уръзано быти» (Статут 1566. Разд. XIV, ст. 4). Можно утверждать, что указанные действия являются прообразом современной криминалистической регистрации.

Методы регистрации использовались еще в глубокой древности. Для этого применялись обычно два способа: клеймение и калечение. Физические увечья нередко указывали на характер содеянного [7, с. 371].

Начало формированию криминалистической регистрации на строго научной основе было положено в конце XIX в. французским криминалистом А. Бертильоном, который разработал и внедрил в практику борьбы с преступностью антропометрический метод регистрации преступников [9, с. 16–49].

Членовредительство как способ регистрации, о котором идет речь в законодательстве ВКЛ, выполняло функции наказания и опознания. Повторная, даже незначительная кража, влекла за собой смертную казнь. Факт повторности устанавливался не только по наличию отрезанного уха, но и на основе записей в судебных книгах, которые производили уполномоченные должностные лица (возны, виж, судьи).

В статье 11 разд. XI Статута 1566 г. объектом регистрации является высказанная угроза («похвалка»). Сторона, которой адресовалась угроза, в государственном учреждении озвучивала ее содержание, и там же производилась письменная запись (регистрация) угрозы («жалобливая сторона тую похвалку его того жъ часу на врьдъ нашомъ оповѣдати и записати»). В дальнейшем угрожавший привлекался к ответственности, в случае причинения угрожаемому лицу вреда, даже если лично против него ничего не совершил.

Законодательством ВКЛ также предусмотрены меры, направленные на розыск преступника и привлечение его к ответственности. Убийца, сбежавший в другую местность, лишался на основе официальных документов гражданских прав («выволанъ»). Если его находили в другой местности, то на соответствующее учреждение той местности возлагалась обязанность привлечь его к ответственности за совершенное ранее деяние («еслибы по

выволаню <...> забойца налезень быль въ томъ панствъ нашомъ; тогда и на томъ врьдъ, гдъ будетъ постижонъ, маеть быти каранъ яко квалтовникъ») (Статут 1566. Разд. XI, ст. 4).

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. В Статутах ВКЛ систематизированы нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Привлечение к уголовной ответственности производилось на основании показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, признаний обвиняемых, письменных и вещественных доказательств. Наиболее убедительными считались показания свидетелей, признания обвиняемого и письменные доказательства. Частичное собиране доказательств обеспечивали специальные должностные лица (возны, виж и др.), которые осуществляли следственные функции. Содержание некоторых процессуальных действий имело криминалистический характер. Следовательно, Статуты ВКЛ явились правовой основой на этапе консолидации криминалистических знаний и начала разработки научных методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Литература

1. *Баев, О. Я.* Основы криминалистики: курс лекций / О. Я. Баев. – М.: Экзамен, 2001. – 288 с.
2. *Белкин, Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: НОРМА, 2001. – 240 с.
3. *Васілевіч, Р. А.* Гісторыя канстытуцыйнага права Рэспублікі Беларусь / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, Я. А. Юхо. – Мінск: Права і эканоміка, 2001. – 375 с.
4. *Доўнар, Т. І.* Статут Вялікага княства Літоўскага / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкал.: Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.: ил.
5. Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 111 с.: ил.
6. Криминалистика: учеб. пособие для вузов / А. В. Дулов [и др.]; под общ. ред. А. В. Дулова. – Минск: Экоперспектива, 1996. – 415 с.
7. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]; под общ. ред. Р. С. Белкина. – М.: НОРМА-ИНФРА М., 1999. – 990 с.
8. *Кубеев, М. Н.* Сто великих легенд и мифов мира / М. Н. Кубеев. – М.: Вече, 2010. – 256 с.: ил. – (Иллюстрированная коллекция).
9. *Торвальд, Ю.* Век криминалистики / Ю. Торвальд. – Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – 512 с.
10. *Яблоков, Н. П.* Криминалистика: учебник для вузов / Н. П. Яблоков. – М.: НОРМА-ИНФРА М., 2000. – 384 с.